

Академик Я. А. Манандян

Новеллы Юстиниана о порядке наследования у армян

При изучении истории армянского права одним из любопытных вопросов является вопрос о действии римского права в Армении. К сожалению, определенное решение этого вопроса представляет пока значительные трудности, как вследствие скудости дошедших до нас исторических фактов, так и недостаточности предварительных историко-филологических работ по собиранию материалов, изданию их и критическому освещению тех немногих данных, которые сохранились в исторических памятниках.

Не будучи в состоянии поставить этот вопрос во всей его полноте, мы ограничимся в настоящей статье изучением новелл Юстиниана об изменении порядка наследования в Западной или имперокой Армении. При этом, с помощью подробного анализа этих данных исторических актов, мы постараемся определить характер наследования у древних армян и проследить возможное влияние начал римского права в дальнейшем развитии наследственных отношений в Армении.

Но предварительно необходимо сказать несколько слов о политической судьбе Армении и тех исторических условиях, которые здесь существовали.

Как известно, западная часть Армении еще до начала нашей эры подпала под владычество Рима. С течением времени были присоединены к империи постепенно и некоторые другие области Армении. Правовое положение этих областей, вступивших в состав Римского государства в разное время и при политически разнообразных конъюнктурах, было весьма неодинаково.

Между тем как так называемые Мало-армянские земли, расположенные по западному берегу реки Евфрата, перешли к римлянам еще после падения Митридата Понтийского и с течением времени составили органическую часть Римского государства, присоединенные к империи области бывшей Большой Армении (в 374 и 387 гг.) были независимы в своем внутреннем устройстве и управлялись большей частью местными князьями, называемыми у историка Прокопия сатрапами.

Политическая зависимость Западной Армении первоначально от Римской республики и империи, а позднее от Византийской империи, имела следствием тесное сближение и культурное общение западных армян с греко-римским миром. Вовлеченная в русло имперской жизни, эта часть Армении не могла не подпасть под влияние имперской культуры и

образованности. Влияние это особенно усилилось со времени Юстиниана и отчасти связано с преобразовательной деятельностью этого императора, стремившегося романизовать подвластные империи области Армении.

Глубоко тенденциозная и сознательная политика этого крупного завоевателя, как и постоянные близкие сношения армян с империей на протяжении многих столетий, должны были, конечно, оставить следы на духовной жизни армянского народа, преимущественно, той части его, которая находилась в западной Армении.

И, действительно, армянская письменность, начиная с VI по VII вв. испытывает некоторое влияние греко-византийской мысли и науки.

Это заметно не только в древнеармянской литературе, но и в других проявлениях умственной и культурной жизни армян. После этого может ли быть сомнение в том, что и в области права юридические идеи Восточно-римской империи должны были оказать некоторое воздействие на юридический быт древней Армении.

К сожалению, при крайней неполноте и отрывочности исторических данных, внутренний быт древних армян можно представить лишь в общих очертаниях.

В период самостоятельности страны при Аршакидах Армения была раздроблена на множество княжеств и имела государственное устройство феодально-нахарарское. Повидимому, каждое княжество или нахарарство имело самостоятельный внутренний строй и в вопросах права и суда руководствовалось юридическими нормами, унаследованными от предков, т. е. обычным правом. Соответственно различию нахарарских земель разнообразны были и господствующие в них обычаи.

Принятие христианства в начале IV века имело своим необходимым следствием перенос в Армению памятников канонического права и должно было сказаться во всех сферах правовой жизни армян. Обычное право нахарарств во многом противоречило учению христианской церкви, имевшей свои канонические законы. При этом, в эту же эпоху пребывало в Армении множество образованных лиц, сирийцев и греков, привыкших к своему праву и, конечно, не желавших подчиниться местному обычному праву.

Изменения, произведенные в армянском обществе в связи с принятием христианства, кроме рецепции канонического права, вызвали самостоятельную законодательную деятельность армянской церкви, главным проявлением чего являются постановления местных армянских соборов.

Падение Аршакидов в исходе IV столетия привело к разделу Армении между двумя вековыми соперниками, римлянами и персами.

Помимо потери политической самостоятельности этот поворот в истории армян не вызвал резких изменений во внутреннем строе страны. Существовавшие в нахарарствах правовые отношения долго оставались почти нетронутыми как в Ромейской, так и в Персидской Армении. Но в имперской Армении свобода эта была постепенно стеснена.

По свидетельству историка Прокопия¹, некоторые из армянских сатрапов стали открыто на сторону Илла и Леонтия, восставших против императора Зенона. Армянские сатрапы, сообщает далее Прокопий, призывались на власть по наследству и занимали ее до самой смерти. Но в 485 году император Зенон, в наказание за причастность к восстанию, устранил их и постановил, чтобы сатрапская власть передавалась лицам достойным по выбору императора. Преобразование это навеяно было, несомненно, стремлением обратить западно-армянские сатрапии из полузависимой страны в имперскую провинцию.

Политика инкорпорирования этих областей была завершена реформами Юстиниана, захватывающими одинаково область управления, суда и законодательства.

Согласно 31 новелле «Об учреждении четырех правителей в Армении», изданной в 536 году и направленной префекту Иоанну, все подвластные империи армянские области подверглись новому административному делению на четыре Армении и полному переустройству на общеимперских основаниях.

Одновременно с реорганизацией страны было произведено преобразование суда и сделано распоряжение о подчинении армян общему имперскому законодательству.

Из числа подлинных актов, свидетельствующих о реформаторской деятельности Юстиниана в Армении, кроме указанной 31 новеллы, сохранились еще две другие, посвященные наследственному праву у армян. Их мы и займемся в настоящем исследовании.

Приводим целиком наш перевод с греческого текста этих новелл, в котором допущено сравнительно с другими переводами несколько отступлений².

Const. 73=Ed. 3 «О наследовании у армян».

Вступление

«Мы желаем и армян, освободив от прежней несправедливости, привести во всем на наши законы и даровать им подобающее равенство.

Глава I

Мы узнали недавно, что у них существует какой-то варварский и жестокий закон, неприличествующий ни римлянам, ни духу справедливости нашего государства, а именно—что наследуют родителям мужчины, а отнюдь не женщины. Ввиду этого, мы повелеваем настоящим священным законом на имя твоего велелепия, чтобы наследственные порядки были одни и те же и чтобы все то, что установлено римскими законами относительно мужчин, как и относительно женщин, имело силу и в Армении. Ведь для того и препроводили к ним наши законы, чтобы они управлялись согласно им.

¹ De Aedificiis III, I.

² Ср. также перевод Н. Адонца, «Армения в эпоху Юстиниана», СПб., 1908, стр. 179—184.

§ 1. А так как возбуждать вновь дела уже прошлые было бы совсем неуместно, поэтому мы приказываем, чтобы сей закон имел силу со времени нашего благочестивого царствования; так что с наследствами лиц, умерших с того момента до ныне, следует поступать согласно этому, кроме случаев, когда дело уже разрешено ими и между ними иным образом состоялось примирение. Если же случилось нечто такое, то приказываем оставить это в силе и совершенно не трогать.

§ 2. Мы желаем, чтобы женщины участвовали и в наследовании имений, называемых родовыми, начиная с указанного времени. А в случае, ежели найдутся лица, кои своих дочерей, хотя и не призываемых к обычному у них адиафетному наследованию, все-таки записали в наследницы, то и они и рожденные от них дети должны участвовать в наследовании родовых имуществ.

Послесловие

Итак, благоугодное нам, возвещаемое в сем священном законе, да старается свое превосходительство блюсти и передать на исполнение, дабы наши законы имели во всем силу и господство. Настоящий же закон, как мы уже сказали, вступает в действие от начала нашего царствования; за все истекшее и впредь на будущее время следует строго руководствоваться им и всем соблюдать его.

Dat. XVII. K. Aug. Bilisario V. C. Cons.

Const. 47=Nov. 21. «О том, чтобы армяне во всем следовали римским законам».

Тот же царь проконсулу Армении Акакю велелепному.

Вступление

«Желая, чтобы Армянская страна вполне благоустроилась и ничем не отличалась от остального нашего государства, мы водворили римские учреждения, отменив прежние ее названия, приучили ее пользоваться римскими порядками и предписали, чтобы у них не было других законов, кроме тех, которые почитаются у римлян. Мы нашли также нужным исправить у них сим законом то скверное зло, дабы наследства от родителей, братьев и остального рода не принадлежали одним мужчинам и никогда женщинам; а также, чтобы без приданого женщины не выходили замуж и не покупались теми, которые желают с ними сожительствовать; это у них водится, как нечто более варварское, по сие время; и не только почитается все это дикое у них, но и другие народы относятся также непочтительно к природе и унижают женский пол, точно не богом он создан и не служит к продлению рода, а как нечто маловажное и презренное обречен на положение вне почета.

Глава I

Ввиду этого мы повелеваем в силу настоящего священного закона, чтобы и у армян имело силу то же самое, что принято у нас касательно

наследования женщин и чтобы никакого различия не было между мужским и женским полом. Как установлено в наших законах и в какой форме наследуют родителям, т. е. отцу и матери, деду и бабушке и так далее, или по нисходящей линии, т. е. сыну или дочери, как им наследуют, так и должно быть у армян; и ни в чем правовые нормы Армении не должны расходиться с римскими.

Раз армяне входят в состав нашего государства, подчиняются нам с остальными народами и пользуются всеми нашими благами, то и женщины у них не должны быть изъяты из существующего у нас равенства. Для всех одинаково должны быть обязательны нормы наших законов, как тех, которые собраны у древних и занесены в наши Институции и Дигесты, так и тех, которые изданы на основании прежних императорских и наших законодательств.

Глава II

Итак, мы приказываем, чтобы все это имело силу на вечные времена, начиная с текущего индикта включительно, когда составлен сей закон; разбираться же в более древних законах и подниматься к прошлым временам ведет скорее к путанице, чем к законопорядку. Но со времени настоящего 14-го индикта включительно, и на все грядущее время, как мы сказали, наследование должно быть равным и все, что относится по всем спорным делам к наследованию, должно быть соблюдено одинаково как в отношении женщин, так и мужчин. А все, что произошло ранее, разрешаем оставить в прежнем виде, касается ли дело родовых владений или остальных; лица же женского пола не должны участвовать в разделенных уже родовых землях или в наследованиях, состоявшихся до 13-го индикта включительно. С указанного же срока, т. е. с 14-го индикта, мы повелеваем, чтобы имели силу наши законоположения.

Послесловие

Наши постановления, объявленные сим священным законом, пусть твое велелепие и те, которые после тебя имеют занять эту должность, стараются блюсти на вечные времена.

Dat. XV. K. Apr. Const. post. Basilarii V. C. consul.

Второе из приведенных законоположений адресовано проконсулу Акакию и датировано 536 годом, марта 18 числом, а первое не имеет заголовка и потому нельзя определить, кому оно было направлено. Появление его, конечно, следует отнести ко времени до издания новеллы 536 года, как это видно из содержания последней. Год его издания в одной из рукописей указывается в 535 г. июля 23.

Из содержания этих двух документов, как и новеллы об учреждении четырех правителей в Армении, определенно видно, что распространение силы имперского римского законодательства на имперскую Армению, относится ко времени Юстиниана. А до этого там, очевидно, должны были действовать нормы обычного местного права. Как утверждает император,

по адиафетному обычаю армян женщины не призывались к наследованию. Сообщение это весьма любопытно.

В истории развития наследственного права то же самое явление, как известно, встречается в древние эпохи и у других народов. Известно, например, что у древних греков мужчинам отдавалось предпочтение перед женщинами в случаях наследования *ab intestato*. Точно так же и древне-русское право, как и древне-германское, в правах наследования не различало мужчин и женщин; так, бургундское право допускало дочерей к наследованию, только если не было сыновей. В статье 89-ой Русской Правды сказано: «Аже будет сестра в дому, то той задница не имати, но отдавать ю за мужь братия, како си могут».

По мнению Владимирского-Буданова «исключение дочерей от наследства при сыновьях есть общий принцип славянского и германского права», причем по специальному порядку наследования дочери не наследуют и тогда, когда сыновей не осталось, как в классе смердов по Русской Правде¹. Мотивом такого порядка ученые выставляют первобытную семейную основу права наследования, согласно которой семья как целое и является собственником своего имущества. При непрочности связи женщин с семьей, в которой они родились, понятно почему они лишались права на это имущество.

Из содержания вышеприведенных законоположений не видно, лишены ли были у армян дочери наследственных прав даже при отсутствии братьев, или же только при них. Сообщение Юстиниана, что «наследуют родителям мужчины, а отнюдь не женщины», говорит как будто в пользу полного лишения наследственных прав лиц женского пола, т. е. не только при братьях, но и без них.

При изучении начальных фазисов развития наследственного права весьма интересным является, между прочим, вопрос о наследовании боковых родственников. Факт наследования после боковых и остального рода с исторической точки зрения представляет, несомненно, значительный успех сравнительно с тем положением, какое наблюдается на низших ступенях развития наследственного права.

Известно, например, что в древнейшем римском праве наследовали только *sui*, а агнаты и *gentiles* были допущены позднее. Точно так же в древнерусском праве согласно Русской Правде не допускалось наследование боковых, а тем более дальнего родства, и за неимением детей наследство становилось выморочным и шло князю.

Постепенное расширение круга родственников, призываемых к наследованию, есть факт, являющийся продуктом исторического развития наследственного права.

В связи с этим крайне любопытно, что в вышеприведенной новелле 21-ой есть ясное указание на существование у армян наследования в боковой линии в следующем отрывке,

¹ М. Ф. Владимирский-Буданов, Обзор истории русского права, издание пятое, СПб., 1907, стр. 494.

«мы нашли также нужным исправить у них сим законом то скверное зло, дабы наследства от родителей, братьев и остального рода не принадлежали одним мужчинам и никогда женщинам».

В каком порядке призывались у армян боковые к наследованию, впереди восходящих, совместно с ними, или после них, об этом ничего не знаем. Из приведенного отрывка 21-ой новеллы видно только, что боковые и другие родственники допускались к наследованию. Однако своеобразной чертой развития наследственного права у армян было то, что расширение круга наследующих распространялось у них только на лиц мужского пола, а не женского. В новелле 21-ой ясно указано, что женщины у армян не получали наследства не только после родителей, но и после братьев и остального рода.

Из сообщения Юстиниана видно, кроме того, что женщины у армян не только были лишены наследственных прав, но даже выходили замуж без приданого и покупались женихами. Поэтому Юстиниан в вышеприведенной 21-ой новелле указывает на недопустимость этого обычая и повелевает,

«чтобы без приданого женщины не выходили замуж и не покупались теми, которые желают с ними сожительствовать».

Покупка жен, как известно, есть установление очень древнего происхождения. Она является, прежде всего, обратной стороной похищения и должна была появиться в самый разгар действительного их похищения. Денежное вознаграждение пострадавшей стороне служило средством примирения с родителями похищенной.

В древнем римском праве форма брака, известная под названием *coemptio*, которая совершалась в виде *inagratia venditio*, представляет собою переживание первоначальной реальной покупки жен. В Начальной летописи сказано о Владимире Святом, что он «вдасть за вено грекам Корсунь царице дела». Установление брака покупкой невест имеется и в древне-германском праве: муж должен был там купить право власти (*Mundium*) над женщиной у того лица, которому это право принадлежало до брака. С этой целью он должен был уплатить цену женщины, которая, обыкновенно, равнялась ее вире

С принятием христианства, хотя у армян был введен порядок установления брака согласно каноническим правилам, но эти правила, по видимому, не применялись в армянской жизни во всей строгости, и древние местные обычаи оказывались сильнее церковных постановлений. В Судебнике Мхитара Гоша, составленном в 1184 году, имеются три статьи, в которых установлены строгие наказания против похитителей жен и их пособников.

Ко времени Юстиниана эти особенности брачного института в Армении, естественно, должны были казаться ромейцам «варварскими». Поэтому и император Юстиниан желал распространить на армян действие дотальной системы римского права, получившей окончательную отделку при нем же. В чем же состоял этот дотальный институт империи?

Основами этого института были *dos* и *donatio propter nuptias*. В обеспечение издержек семейной жизни муж получал со стороны жены приданое, которое и называлось у римлян *dos*, а у преков *ferne* или *proix*. Параллелью к *dos* со стороны мужа являлся «брачный дар» *donatio propter nuptias*, который до Юстиниана назывался *donatio ante nuptias*. Дар этот по размеру должен был соответствовать *dos* и предназначался также *ad opera matrimonii sublevanda*.

Из содержания 21-ой новеллы видно, что император желал эти порядки привить и в армянской земле.

Но каким образом можно было провести эту реформу в случае, если бы сами жители беспрекословно подчинялись старинному местному праву, закрепленному и освященному инерцией обычая? Новелла 21-ая, адресованная проконсулу Акакию, обязывает принуждения к выдаче приданого возлагала, повидимому, на имперские власти. И это не было чуждо имперскому законодательству. В дигестах имеется указание, что власти могли принудить отца к установлению приданого и в этом случае определяли размер *dos*.

Рассмотрев выше сообщения законоположений Юстиниана об адиафетном наследовании у армян, мы оставили без внимания один из существеннейших вопросов наследственного права, именно вопрос о наследовании по завещанию. Была ли эта форма наследования известна в Армении ко времени издания новелл?

Из сообщений древне-армянских историков видно, что завещания в эту эпоху не были чужды древним армянам. По сообщению армянского историка Лазаря Парпского¹, патриарх Саак (умер в 439 г., 7 сентября) за неизменем сына оставил все свои владения единственной дочери, княгине Мамиконидов, в наследство ей и ее потомству на вечные времена. Завещание в пользу дочери историк объясняет тем, что у «Саака не было сына». Следовательно, наследование по завещанию существовало у армян задолго до издания новелл Юстиниана.

Более чем вероятно, что появление в Армении этой формы наследования в какой-то степени следует приписать влиянию христианского духовенства. Принятие христианства армянами в начале IV века и перенос к ним правовых идей христианской церкви, очевидно, должны были оказать влияние на местное право, главным образом в области семейного и наследственного права, ввиду того, что дела о наследовании по тесной связи их с семьей, подлежали ведению духовенства. Таким образом, идею о завещании выдвинула, повидимому, церковь и открыла таким путем новый порядок перехода имущества.

На существование завещательных распоряжений у армян, помимо данных древних армянских историков, указывает также вышеприведенный эдикт Юстиниана. В § 2 главы I эдикта читаем:

«а в случае ежели найдутся лица, кои своих дочерей, хотя и не призываемых к обычному у них адиафетному

¹ См. кн. 1, гл. 18, стр. 37 (Тифлис, 1904).

наследованию, все-таки записали в наследницы, то и они и рожденные от них дети должны участвовать в наследовании родовых имуществ».

Сообщение это, как видим, не оставляет никакого сомнения в том, что завещания не были чужды армянам. При этом слова «записаны в наследницы» свидетельствуют, что завещания эти были писанные.

Назначение дочерей наследницами вопреки адиафетному обычаю дает право установить определенный произвол воли завещателя. Завещания, на которые намекает Юстиниан, повидимому, не были распределением имущества между законными наследниками, а имели целью изменение обычного порядка наследования. Поэтому более чем вероятно, что наследование по завещанию могло у армян существенно различаться от наследования по обычаю.

Но возникает вопрос, почему упомянутые завещания в пользу дочерей не удовлетворяли императора. Думаем, что решение этого вопроса не представляет трудности. Повеление Юстиниана об участии дочерей, назначенных наследницами, также и в наследовании родовых имений можно объяснить лишь тем, что по отношению к родовым землям (*гелеархича*) адиафетный обычай армян оставался непоколебимым, и воля завещателя не могла нарушить его даже в интересах своих дочерей. Свобода завещателя, как видно, не распространялась на родовые имущества которые могли переходить только по адиафетному порядку наследования.

Нам кажется поэтому, что совершенно прав Адонц¹, утверждавший, что в феодально-нахарарской Армении родовые земли переходили по агнатной линии, с изъятием женщин из линии наследования. Нечто сходное с этим мы встречаем у германских племен. Так, например, в *Lex Salica* (59,5) читаем: *De terra vero nulla in muliere hereditas est, sed ad virilem sexum qui fratres fuerint tota terra perteneat*².

Вопрос о существовании у армян рядом с наследованием по адиафетному обычаю наследования по завещанию представляет большой интерес, так как свобода завещательных распоряжений, хотя и не полная, указывает на возвышение прав отца семейства. Новеллы Юстиниана, повидимому, застают армян в состоянии переходном к правам личным.

В XII веке, ко времени Судебника Мхитара Гоша, процесс развития свободы завещаний мы уже находим у армян законченным. К этому времени личность главы семейства настолько усилилась, что он мог даже назначить наследником постороннее лицо.

На основании некоторых данных новелл Юстиниана мы постарались осветить наследственные порядки и характер наследования у армян ко времени этого императора. Но нам остается еще выяснить

¹ Н. Адонц, *Армения в эпоху Юстиниана*. СПб., 1908, стр. 194.

² См. G. Waitz, *Deutsche Verfassungsgeschichte*, III Aufl, I, с. 64.

одна весьма важный вопрос. Как видно из вышеизложенного, император Юстиниан желал распространить силу имперского законодательства на армян. Но возникает вопрос, почему он, в борьбе с «варварскими» обычаями армян, главное свое внимание обратил именно на наследственное право и издал специально новеллы по этому вопросу.

Н. Адонц в указанном выше труде «Армения в эпоху Юстиниана» подробно останавливается на этом вопросе и дает весьма любопытный ответ на него. По мнению Н. Адонца, приведенные два документа, несомненно, относятся к мерам, направленным против феодального строя в Армении и служат ключом к раскрытию подкладки реформ Юстиниана¹.

Мы полагаем, что мотивом к изданию приведенных законоположений, хотя и могли быть отчасти соображения политического характера, но, главным образом, послужили совершенно иные, далеко не «возвышенно-нравственные» соображения. Демагогические выпады Юстиниана против «варварской» Армении, лицемерная и ханжеская «защита» им равноправности армянок в наследовании, составляющая сущность новелл, навеяна, на наш взгляд, корыстными интересами ромейцев, вступавших в смешанные браки с армянками.

При постепенной романизации армянской страны, начатой еще при предшественниках Юстиниана, число смешанных браков в Армении все более и более возрастало. Этому способствовало еще то обстоятельство, что в этнографическом отношении большая часть Западной Армении состояла из смешанного народонаселения. К тому же туда стекались имперские войска и многочисленная бюрократия.

При участвовавших смешанных браках невесты из армянок, согласно местному обычаю, не только не получали доли из наследства, но и выдавались замуж без надлежащего приданого. А между тем ромейки, вступавшие в брак с лицами армянского происхождения, могли получать и приданое и наследство.

Это, очевидно, и возмутило ромейцев. Помимо материального ущерба, наносимого им, возникла при этом коллизия юридических норм местного права с правовыми идеями законодательства империи. Момент этот, конечно, чисто юридического характера, и мы считаем его ближайшим и вероятным поводом к изданию рассматриваемых нами новелл.

Следует особо отметить, что неудобство наследственных порядков армян должны были чувствовать острее других лица высшей ромейской бюрократии и знати, состоявшие в браке с армянками. Адафетный обычай армян лишал их значительных богатств, на которые они имели бы некоторые права при господстве в Армении наследственных начал империи. Пользуясь влиянием при дворе, думаем, что они именно и могли склонить императора к изданию вышеприведенного эдикта «О порядке наследования у армян».

Предположение это подтверждается, по моему, тем обстоятельством, что эдикт 535 года должен был иметь силу не с момента его издания, а

¹ «Армения в эпоху Юстиниана», стр. 196.

со вступлением Юстиниана на престол (527 г.), т. е. действие его могло простирается на факты, предшествовавшие времени его обнародования.

Обратная сила действия этого закона явно указывает, что законодателем руководили при этом какие-то субъективные соображения. И нам кажется вполне вероятным, что закон этот был орудием личных целей заинтересованных лиц. Если бы действие эдикта простиралось только на будущее время, то недовольные и обойденные ромейцы, склонившие императора к изданию эдикта, ничего не выиграли бы, так как они уже состояли в браке и жены их были уже лишены как приданого, так и наследства.

Однако применение нового закона к истекшим годам непременно должно было вызвать осложнения и путаницу. Кроме того, в глазах армян этот закон должен был казаться более чем несправедливым и мог легко подорвать всякое уважение к вводимому у них римскому праву.

Император, повидимому, скоро осознал свою ошибку и в 21-ой новелле сделал новое распоряжение, ограничив срок действия закона началом 14 индикта (с сентября 535 г.).

Какова была судьба преобразований Юстиниана в имперской Армении, действовали ли проведенные им меры бесповоротно, об этом, к сожалению, исторические памятники не дают необходимых сведений. Не думаем, чтобы можно было быстро и легко преобразовать своеобразный уклад армянской жизни. Навязывая насильно армянам идеи римского права, Юстиниан не предвидел, конечно, что право каждого народа зависит теснейшим образом от социально-экономических условий жизни этого народа.

Наследственные начала римского права были продуктом многовекового исторического развития римлян. Проникнутые началами индивидуализма, принципы эти, конечно, не могли отвечать условиям армянской жизни.

Любопытно, что сборники древне-армянского права, составленные в 12 и 13 веках, указывают на повсеместное господство у армян семейного начала наследования взамен кровного, свойственного Юстиниановскому праву. За немногими отступлениями характер наследования остался у них тот же, какой намечен в новеллах Юстиниана.

Правда, римское право оказало влияние на некоторые второстепенные явления наследственного права армян, но основной семейный принцип наследования остался у них почти незатронутым.

Следует при этом иметь в виду, что армянское духовенство находило аналогию древнему адиафетному обычаю армян в Моисеевом законодательстве и с своей стороны поддерживало этот порядок авторитетом церкви.